

Мы слышали их голоса

«Дорогой папочка! Пишу я вам это письмо во время моей болезни, когда думали, что я умру, и пишу из-за того, что я жду смерти... Сильно старалась поддерживать меня мамочка и поддерживала всем, чем могла и что было. Она даже для меня отрывала и от себя и ото всех понемногу, но так как было очень трудно поддержать, пришлось поэтому мне помереть...»

Это — письмо тринадцатилетней Тани Богдановой из блокадного Ленинграда, письмо отцу на фронт. В «Блокадной книге» Алеса Адамовича и Даниила Гранина, вышедшей в свет в издательстве «Советский писатель». Таких обжигающих документов — великое множество.

Рассказывает учительница: «Впереди меня стоял мальчик, лет девяти, может быть. Он был затянут каким-то платком, потом одеялом ватным был затянут, мальчик стоял промерзший. Холодно. Часть народа ушла, часть сменили другие, а мальчик не уходил. Я спрашиваю этого мальчишку: «А ты чего же не пойдешь погреться?» А он: «Все равно дома холодно». Я говорю: «Что же ты, один живешь?» — «Да нет, с мамкой». — «Так что же, мамка не может пойти?» — «Да нет, не может, она мертвая». Я говорю: «Как мертвая?!» — «Мамка умерла, жалко ведь ее...»

Разум и сердце, восприняв столь горестную исповедь, не могут не восстать против зла

и насилия, что несут людям мира человеконенавистники.

А. Адамович и Д. Гранин собрали сотни свидетельств участников ленинградской блокады, сопроводили их своими размышлениями-комментариями, и родилась необычная книга — книга-памятник тем, кто погиб, монумент тем, кто выстоял.

Задача решена сложная, дело сделано нужное. Пусть даже с опозданием на три с лишним десятилетия, а значит — с потерей бесценных документов. Для памяти нынешнего и грядущих поколений сохранен кладезь трагического и вместе с тем героического опыта советских людей, боровшихся с коричневой чумой.

Адамович, Гранин — оба прошли войну. И снова пропустить через свое сердце столько людских трагедий, отозваться на каждую боль строкою, встающей против забвения, — это мужество. Это и большой труд, потребовавший незаурядного писательского мастерства.

«Блокадную книгу» невозможно прочесть сразу, в один присест, от первой и до последней ее страницы. Приходится то и дело прерываться, чтоб собраться с духом. Ведь книга эта — зеркало человеческих бед.

Нет, не только сострадание она пробуждает, она помогает глубже осознать ценности нашей сегодняшней жизни, заставляет задуматься над тем,

как должно жить человеку, чтобы надежно защитить его от новых напастей, от угрозы последней фашизма — убить саму жизнь на земле.

Эпизод за эпизодом, свидетельство за свидетельством писатели воссоздают картину блокадного Ленинграда. Они сознают, сколь трудна их задача, — ведь ограничены площадью одной-единственной книги, тогда как каждая из сотен тысяч судеб заслуживает своего, самостоятельного исследования, повествования. В книге прочтешь об организации быта блокадников, об их труде, о положении детей, о вкладе народного ополчения в борьбу с захватчиками... На страницах книги встретишь и героическую мать, и бескорыстного партия, и самоотверженного рабочего, отдающего часть своего пайка «чужим» детям, но также и безумного спекулянта антикварными ценностями, человека, источенного звериным эгоизмом... По построению и материалу книга — энциклопедия народного горя, но вместе с тем и народного героизма. С трепетом и благодарностью примет эту книгу и нынешний, и завтрашний читатель, отыскивая в ней для себя уроки стойкости, человеколюбия и ненависти к врагам.

Ученый-архивист Г. А. Князев записывает в своем дневнике на двадцать девятый день войны: «Нужна организация, самая строгая дисциплина.

А у нас этого мало! Не умели мы еще организованно и слаженно работать. Учимся только в военных условиях...»

Значит, это к нам, в наш сегодняшний день обращен призыв сердца — учиться организованно и слаженно работать! Победы куются в дни мира — об этом нельзя забывать в наше тревожное время.

Мы-то, советские люди, знаем, во что обошелся народам авантюризм германского империализма. Но все ли задумываются над тем, что нынешний империализм готовится обрушить на мир неизмеримо более страшную беду? Он не остановится ни перед чем. Поэтому упредить его авантюризм, противопоставить ему такую мощь возмездия, с которой он не сможет не почитаться, способна только одна сила — единение народов мира, вооруженных памятью.

Нет и не может быть забвения никакому подвигу человеческого духа, где бы ни свершался он — в Ленинграде или на Кубе, во Вьетнаме или в Никарагуа... Справедливость требует воссоздания всей исторической правды, жизни каждого человека, ставившего перед собой цели, выходящие за пределы личного благополучия.

Измученный дистрофией Юра Рябинкин, шестнадцатилетний подросток, записывает 3—5 ноября 1941 года: «Что такое человек и человеческая жизнь? Что же, в конце концов?.. Хорошо умереть,

чувствуя и зная, что ты добился всего, о чем мечтал в юности, в детстве, хорошо умереть, зная, что остались последователи в твоих трудах... И вот из-за какой-то кучки авантюристов гибнут миллионы людей! Людей!..»

В канун смерти подросток говорит словами пророка. Он выстрадал правду этих слов, и было бы несправедливо, если б мы не слышали их...

«Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина — новаторское литературное произведение. Писатели выступают своеобразными организаторами, режиссерами сотен людских голосов, дирижерами трагической симфонии, в совокупности раскрывающей великую правду нашего времени — подвиг советского народа, преградившего путь фашизму, его борьбу за сохранение мира сегодняшнего от посягательства новых претендентов на мировое господство.

«Блокадная книга» принципиально раздвигает горизонты документальной прозы, открывает перед литературой новые возможности в художественном освоении действительности.

Строки «Блокадной книги» стучат в сердце, как метроном в голодном, но сражающемся Ленинграде, — люди, будьте бдительными!..

Эдуард СКОБЕЛЕВ.